

RECENZIJOS

Lietuvių kalbos atlasas. I tomas. Leksika. V., „Mokslas“, 1977. E. Grinaveckienė, A. Jonaitytė, J. Lipskienė, K. Morkūnas, M. Razmukaitė, B. Vanagienė, A. Vidugiris. Redakcinė kolegija: E. Grinaveckienė, A. Jonaitytė, K. Morkūnas (atsak. redaktorius), A. Vidugiris, Z. Zinkevičius. 120 žemėlapių ir komentarai, 296 p.

В 1977 г. Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР выпустил I том Атласа, посвященный лексике литовских говоров.

Для того чтобы представить во всем объеме значение рецензируемого труда, необходимо сначала хотя бы кратко остановиться на той большой работе, которая предшествовала выходу в свет Атласа.

Плановая работа по составлению Атласа литовского языка началась в 1950 г. Картотека Атласа создавалась на основе программы, изданной в 1951 г. „Lietuvių kalbos atlaso medžiagos rinkimo programa“, содержащей около 750 координальных вопросов по лексике, фонетике, морфологии и синтаксису литовских говоров.

Содержание Атласа, количество и качество лингвистических карт в большой мере зависит от программы, по которой производился сбор фактического материала. В этом отношении литовская программа заслуживает положительной оценки. В ней более равномерно разработаны разделы, ориентированные на выявление основных уровней диалектной речи — лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса по сравнению с русской, белорусской и украинской программами, в которых более полно представлены разделы фонетики и морфологии в ущерб лексике¹.

¹ В русской и белорусской программах раздел лексики включает примерно 150 вопросов. Ср.: Программа собирания сведений для составления диалектологиче-

Кроме того, даже при наличии большинства общих вопросов по лексике в названных программах, литовская программа отличается большей детализацией вопросов, направленных на выявление как общих названий, так и названий составных частей сложных объектов — построек, орудий труда, предметов быта и проч., что позволило более системно собрать фактический материал и дать более полную информацию на картах атласа.

Существенное значение имеет сетка населенных пунктов, по которой проводилось обследование литовских говоров. На всей территории Литовской ССР было выделено 704 пункта на расстоянии 10—12 км между ними. Кроме того, были обследованы литовские говоры 13 населенных пунктов за пределами Литовской республики — в пограничных районах Белорусской ССР и Польской Народной Республики.

Созданию атласа предшествовала длительная организационная работа литовских диалектологов.

ческого атласа русского языка, IV. Лексика. М.—Л., 1947, с. 130—145; Програма по вивучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Лексіка. Мінск, 1950, с. 88—97. Соответственно в русском Атласе (АРНГЦО) содержится 59 лексических карт (№ 183—241), в ДАБМ — 112 карт (№ 227—338). В кн.: Програма для збирання матеріалів до діалектологічного атласа української мови. Київ, 1949, насчитывается около двухсот лексических вопросов (Лексика, с. 13—31), но по данным И. Г. Матвиеяса для Атласа украинского языка составлено всего 69 лексических карт (см. статью: Відбиття лексики в атласі української мови, в сб.: Українська лінгвістична географія. Київ, 1966, с. 17).

История изучения диалектов литовского языка в прошлом тесно связана с трудами К. Буги. Позже инициаторами массового сбора диалектного материала для Атласа литовского языка были профессора Ю. Бальчиконис и Б. А. Ларин, Ю. Сянкус и др. С накоплением нового фактического материала совершенствовались теория и практика исследования фактов языка, а следовательно, и практические методы, и организация исследования литовских говоров методом лингвистической географии. На протяжении длительного времени организованно проводились диалектологические экспедиции, фиксировались данные в процессе непосредственного наблюдения над речью типичных представителей разных говоров.

Сбор диалектного материала для Атласа в основном был завершён до 1965 г. Кроме научных сотрудников и аспирантов Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, в этой работе активное участие принимали преподаватели и студенты кафедр литовского языка высших школ, а также учителя-литуанисты средних школ республики. В итоге общих усилий была создана картотека Атласа, насчитывающая свыше семисот тысяч карточек-регистраций словоформ. Следовательно, литовские диалектологи смогли опереться на довольно обширный фонд вновь собранных диалектных материалов и дополнительно на созданные к этому времени словари и исследования по литовской диалектологии — монографии и отдельные многочисленные публикации диалектного, фольклорного и краеведческого материала, где имелись сведения о народных говорах. Все это дало возможность перейти ко второму этапу работы — составлению лингвистических карт Атласа и комментированию их.

Густая сеть опорных населённых пунктов обусловила применение многих способов картографирования языковых черт. Распространение названий картографируемых объектов на картах передаётся фигурами, штриховкой и изоглоссами. Выбор того или иного приема избирался составителями в зависимости от характера распространения картографируемых лексем. В тех случаях, когда названия распределялись неравномерно по всей территории или выступали спорадически лишь в отдельных местах, на карте они обычно обозначались фигурными знаками — кружками, треугольниками, квадратами, ром-

бами и т.п. Штриховкой обычно переданы те названия, которые выделяют компактные ареалы. Данный способ картографирования доминирует в рецензируемом Атласе. Следует отметить, что густая сетка опорных пунктов позволила широко использовать этот обобщающий прием. Модификацией разного направления линий выразительно и наглядно передается противопоставление компактных языковых ареалов.

Линиями изоглосс противопоставлены большие языковые массивы. В большинстве карт совмещаются все три приема. Применение разных методов диктовалось и тем, что в Атласе преобладают многотемные карты, таких карт — около 60. На одной такой карте картографировались названия двух или трех реалий.

Таким образом, одна карта отображает не только название одного главного объекта, но и названия деталей сложного объекта. Этим способом графического синтеза составители достигли большой экономии. 119 лингвистических карт, помещённых в первом томе Атласа, информируют о 190 названиях различных реалий. Максимальная насыщенность научной информацией выгодно выделяет литовский Атлас. И это тем более существенно, что, кроме основного лексического уровня, карты широко отображают диалектные различия других планов, которые перекрещиваются в картографируемых лексемах — явления фонетики, морфологии, акцентуации. Следовательно, карты Атласа представляют, с одной стороны, сложное объединение диалектных различий разных уровней, с другой — расчленённость их графического отображения.

Большинство карт в Атласе отражает синонимические ряды названий разных объектов, которые группируются в многие тематические группы — это прежде всего названия жилых и хозяйственных построек и их частей, орудий сельского труда, предметов бытового обихода, названий продуктов питания, растений, животных и птиц, некоторых физиографических объектов, терминов родства и т.д. Ареальное отражение данной лексики, её этимология являются весьма важным материалом национальной культуры литовского народа, служащим надёжным средством для сравнительных и сопоставительных исследований. Объём картографированной и комментированной литовской народной лексики

полно представлен в реестре, охватывающем более девяти тысяч названий и их вариантов, в том числе слова, еще не известные и не отмеченные в литовских словарях.

Другого типа карт, где имеются в виду различие семантики одних и тех же лексем, в литовском Атласе немного. К ним относятся карты 117–120, на которых отражено распространение в разных значениях древних слов типа *šėšuras* 'шурин', *móša* 'золотка', *anyta* 'свекровь', *bařtinykas* 'бортник', *dieveris* 'брат мужа', *sėbras* 'сябр' и др.

Массовость приводимого материала, четкость документации, широта обобщений отличает книгу комментариев к картам Атласа литовского языка, где дана исчерпывающая характеристика картографируемого материала, обстоятельно анализируются значения лексем и их оттенки, перечисляются населенные пункты, в которых отмечены те или другие отклонения, приводятся фонетические варианты слов и их распространение. Ценным являются этимологические данные, сведения о заимствованной лексике из славянских и других языков. Подробные комментарии позволили не приводить фактический материал к картам (систематический перечень всего объема собранного материала к каждой карте), а ограничиться только общим индексом. В этом отношении литовский Атлас выявляет преемственную связь с региональными польскими атласами — Атласом Кашубщины и др.²

Существенное дополнение к комментариям составляют рисунки многих картографируемых объектов с указанием их точной метрики. Они помогают уяснить соотношение названия и реалии, уточняют детали и их названия.

Связующим звеном между картой и комментарием является легенда. В легендах к картам системно и в экономной форме дана расшифровка условных знаков, отмечены все дифференциальные признаки в вариантах картографируемых слов.

Следует отметить, что в легендах к картам удачно решаются вопросы нормализации литовского языка. Последовательность знаков по отношению к литературной норме и заимствованным словам строго выдерживается на всех картах и в легендах

к ним. Все названия, ставшие нормой литературного языка, на картах передаются специальным знаком, который читателю карты сразу бросается в глаза. Легко различаются заимствованные слова и гибридные образования.

Исключительно важное познавательное значение литовского Атласа вытекает уже из географического положения литовского языкового массива в окружении славянских и неславянских языков и их диалектов. С северо- и юго-восточной стороны литовские говоры граничат с белорусскими говорами, с которыми на протяжении многих веков проходили языковые контакты; результаты этих процессов выявляются в наличии славянизмов в литовских говорах, количество которых увеличивается в направлении с запада на юг и на восток. Они находят свое отображение и на многих картах литовского Атласа. Приведем некоторые иллюстрации: *striėkas* (карта 3), бел. *страха́*; *mėkynėcia* (карта 15), бел. *мякiнница́* 'место для мякины, половы в овине'; *palėtos* (карта 18), русск. *полáти*, бел. *палóк* (в бане); *kėšikas, kòšikas* (карта 28), бел. *кош, кóшык* 'простая корзина'; *drobėnos* (карта 39), бел. *драбiны*; *prėtas, prūtas* (карта 52), бел. *прут* 'тупое ребро косы'; *krivėuninkas* (карта 95), бел. *крывáўник* 'тысячелистник'; *akrėičikas* (карта 112), бел. *акра́йчык* 'горбушка хлеба'.

Интересно отметить, что славянские заимствования в литовских говорах подверглись не только влиянию морфологической структуры литовских говоров, но и нормам акцентуации, о чем свидетельствуют следующие примеры: *zasufkà* (карта 6), польск. *zasóbka* бел. *засаўка*; *ruėkà* (карта 39), бел. *рўчка* 'деталь телеги'; *drobinà* (карта 39), бел. *драбiна, šnà* (карта 42), бел. *шiна*; *rukavėtkà, rukavatkà* (карта 51), русск. *рукою́тка*; *skrynė* (карта 68), бел. *скрiня*; *šėubà* (карта 72), русск. *шўба*; *plotkà* (карта 82), бел. *плóтка* (рыба); *strelà* (карта 85), бел. дыял. *стрéлка* 'стрекоза'; *šėškà, šyškà* (карта 93), бел. *шiшка* (еловая и сосновая); *pereėkà* (карта 96), бел. *парэ́кi* 'смородина'; *liėtkà* (карта 102), бел. *лы́тка* 'голень'; *krėnyėcia* (карта 104), бел. *крынiца* 'родник'; *iskrà* (карта 107), бел. *iскра*; *kvietkà* (карта 111), бел. *квéтка* 'цветок'.

Явление переноса ударения на последний слог выходит за пределы территории литовского Атласа, оно встречается и в белорусских говорах пограничных районов (ср. *линá, мухá*).

² Ср. *Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich*, t. 1. Wrocław—Warszawa—Gdańsk, 1971.

В окрестностях Вильнюса в 18 населенных пунктах литовские исследователи не нашли старожильческого населения, говорящего на литовском языке. И эта сравнительно большая территория выпадает из общего литовского языкового массива, выделяясь белым пятном на всех картах Атласа. Белорусские и литовские языковеды несколько раз в последние годы организовывали научные экспедиции в эти районы Литвы и обнаружили там белорусские и польские говоры. Эти говоры имеют свои языковые особенности, входящие в сложные взаимоотношения с основными диалектными группами белорусского языка — среднебелорусскими, юго-западными и северо-восточными, и также с литовским окружением. Следовало бы, на наш взгляд, более тщательно обследовать данный языковой остров как в плане создания регионального атласа, так и выделения нескольких пунктов для включения в сетку Общеславянского лингвистического атласа. Данный языковой ареал представляет большой научный интерес для изучения балтославянских языковых контактов, проходивших на протяжении многих веков между балтийскими и славянскими племенами.

Карты литовского Атласа информируют и о литовско-латышских контактах. Литовские жемайтские говоры своей северной окраиной граничат с земгальскими говорами Латвии и имеют некоторые общие лексемы (ср. лит. *kūtė*, латв. *kuts* 'хлев', карта 13).

Восточноаукштайтские литовские говоры, соприкасаются с латышскими латгальскими говорами. На картах Атласа это отразилось в наличии общих лексем, в том числе и германизмов, проникших через посредство латгальского (ср. *stūķē* 'дырка в жерновах, вячай', карта 69).

На первой карте Атласа дана группировка литовских говоров. Правильно поступили составители Атласа, что наряду с традиционной классификацией литовских диалектов, выработанной К. Яунюсом, К. Бугой и др., совместили новую классификацию — З. Зинквичюса и А. Гирдяниса. На основе новых данных составители дополняют и уточняют существующие классификации литовских говоров в предисловии к Атласу.

Можно высказать сожаление, что составители не включили в Атлас обобщающие ареальные карты, синтезирующие

типологию лексических изоглосс. Такие карты могли бы представить новые, более надежные данные о классификации литовских говоров, дать наглядную картину взаимоотношения разных диалектных групп. Отсутствие таких карт оправдывается тем обстоятельством, что Атлас литовского языка задуман как многотомное издание, и в заключительный том, по-видимому, войдут сводные карты, составленные на основе карт разных уровней диалектной речи.

Объединение ареалов на таких картах даст возможность выявить территориальные связи между разными лексемами, позволит судить, насколько типология лексических изоглосс по своей конфигурации приближается к фонетическим и морфологическим изоглоссам. Такие карты представят новые данные для уточнения существующих классификаций диалектов литовского языка, а также для исследования генетических проблем, внесут существенный вклад в разработку теоретических вопросов лингвистической географии.

Атлас литовского языка представляет собой сокровище национального значения. Он открывает новый этап в исследовании истории, диалектологии и лингвогеографии литовского языка. Это один из самых крупных трудов за всю историю литуанистики.

Но его результаты не исчерпываются только для литовского и, шире, балтийского языкознания. Карты Атласа послужат ключом к решению и объяснению многих других проблем, в том числе и проблем балто-славянской общности.

Изданный том Литовского атласа соответствует лучшим образцам мировых достижений в области лингвистической географии.

Желаем литовским коллегам скорейшего завершения работы над последующими томами Атласа.

Ю. Ф. Мацкевич

Lietuvių arealinės lingvistikos klausimai (=LKK, t. XVII). V., 1977, 234 p.

Tai pirmoji „Lietuvių kalbotyros klausimų“ serijos knyga, skirta arealinės lingvistikos (lingvistinės geografijos) problemoms. Daugelis joje spausdinamų straipsnių susiję